

Преподобная Мария Египетская

Дни памяти: 20 марта, 1 апреля

Святая
преподобная
Мария Египетская

В одном палестинском монастыре в окрестностях Кесарии жил преподобный инок Зосима. Отданный в монастырь с самого детства, он подвизался в нем до 53 лет, когда был смущен помыслом: “Найдется ли и в самой дальней пустыне святой муж, превзошедший меня в трезвении и делании?”

Лишь только он помыслил так, ему явился Ангел Господень и сказал: “Ты, Зосима, по человеческой мере неплохо подвизался, но из людей нет праведного ни одного (Рим. 3, 10). Чтобы ты уразумел, сколько есть еще иных и высших образов спасения, выйди из этой обители, как Авраам из дома отца своего (Быт. 12, 1), и иди в монастырь, расположенный при Иордане”.

Тотчас авва Зосима вышел из монастыря и вслед за Ангелом пришел в Иорданский монастырь и поселился в нем.

Здесь увидел он старцев, истинно просиявших в подвигах. Авва Зосима стал подражать святым инокам в духовном делании.

Так прошло много времени, и приблизилась святая Четыредесятница. В монастыре существовал обычай, ради которого

и привел сюда Бог преподобного Зосиму. В первое воскресенье Великого поста служил игумен Божественную литургию, все причащались Пречистого Тела и Крови Христовых, вкушали затем малую трапезу и снова собирались в церкви.

Сотворив молитву и положенное число земных поклонов, старцы, испросив друг у друга прощения, брали благословение у игумена и под общее пение псалма “Господь просвещение мое и Спаситель мой: кого убоюсь? Господь Защититель живота моего: от кого устрашуся?” (Пс. 26, 1) открывали монастырские ворота и уходили в пустыню.

Каждый из них брал с собой умеренное количество пищи, кто в чем нуждался, некоторые же и вовсе ничего не брали в пустыню и питались кореньями. Иноки переходили за Иордан и расходились как можно дальше, чтобы не видеть, как кто постится и подвизается.

Когда заканчивался Великий пост, иноки возвращались в монастырь на Вербное воскресенье с плодом своего делания (Рим. 6, 21 – 22), испытав свою совесть (1 Пет. 3, 16). При этом никто ни у кого не спрашивал, как он трудился и совершал свой подвиг.

В тот год и авва Зосима, по монастырскому обычаю, перешел Иордан. Ему хотелось глубже зайти в пустыню, чтобы встретить кого-нибудь из святых и великих старцев, спасающихся там и молящихся за мир.

Он шел по пустыне 20 дней и однажды, когда он пел псалмы 6-го часа и творил обычные молитвы, вдруг справа от него показалась как бы тень человеческого тела. Он ужаснулся, думая, что видит бесовское привидение, но, перекрестившись, отложил страх и, окончив молитву, обратился в сторону тени и увидел идущего по пустыне обнаженного человека, тело которого было черно от солнечного зноя, а выгоревшие короткие волосы побелели, как агичее руно. Авва Зосима обрадовался, так как за эти дни не видел ни одного живого существа, и тотчас направился в его

сторону.

Но лишь только нагой пустынный увидел идущего к нему Зосиму, тотчас пустился от него бежать. Авва Зосима, забыв свою старческую немощь и усталость, ускорил шаг. Но вскоре он в изнеможении остановился у высохшего ручья и стал слезно умолять удалявшегося подвижника: “Что ты бежишь от меня, грешного старца, спасающийся в этой пустыне? Подожди меня, немощного и недостойного, и подай мне твою святую молитву и благословение, ради Господа, не гнушавшегося никогда никем”.

Неизвестный, не оборачиваясь, крикнул ему: “Прости, авва Зосима, не могу, обратившись, явиться лицу твоему: я ведь женщина, и нет на мне, как видишь, никакой одежды для прикрытия телесной наготы. Но если хочешь помолиться обо мне, великой и окаянной грешнице, брось мне покрыться свой плащ, тогда смогу подойти к тебе под благословение”.

“Не знала бы она меня по имени, если бы святостью и неведомыми подвигами не стяжала дара прозорливости от Господа”, – подумал авва Зосима и поспешил исполнить сказанное ему.

Прикрывшись плащом, подвижница обратилась к Зосиме: “Что вздумалось тебе, авва Зосима, говорить со мной, женщиной грешной и немудрой? Чему желаешь ты у меня научиться и, не жалея сил, потратил столько трудов?”. Он же, преклонив колена, просил у нее благословения. Так же точно и она преклонилась пред ним, и долго оба один другого просили: “Благослови”. Наконец подвижница сказала; “Авва Зосима, тебе подобает благословить и молитву сотворить, так как ты почтен саном пресвитерским и многие годы, предстоя Христову алтарю, приносишь Господу Святые Дары”.

Эти слова еще больше устрашили преподобного Зосиму. С глубоким вздохом он отвечал ей: “О мать духовная! Явно, что ты из нас двоих больше приблизилась к Богу и умерла для мира. Ты меня по имени узнала и пресвитером назвала, никогда меня прежде не видел. Твоей мере надлежит и благословить меня. Господа ради”.

Уступив наконец упорству Зосимы, преподобная сказала: “Благословен Бог, хотящий спасения всем человекам”. Авва Зосима ответил “Аминь”, и они встали с земли. Подвижница снова сказала старцу: “Чего ради пришел ты, отче, ко мне, грешнице, лишенной всякой добродетели? Впрочем, видно, благодать Духа Святого наставила тебя сослужить одну службу, потребную моей душе. Скажи мне прежде, авва, как живут ныне христиане, как растут и благоденствуют святые Божий Церкви?”

Авва Зосима отвечал ей: “Вашими святыми молитвами Бог даровал Церкви и нам всем совершенный мир. Но внемли и ты мольбе недостойного старца, мать моя, помолись, ради Бога, за весь мир и за меня, грешного, да не будет мне бесплодным это пустынное хождение”.

Святая подвижница сказала: “Тебе скорее надлежит, авва Зосима, имея священный чин, за меня и за всех молиться. На то тебе и сан дан. Впрочем, все поведенное мне тобою охотно исполню ради послушания Истине и от чистого сердца”.

Сказав так, святая обратилась на восток и, возведя очи и подняв руки к небу, начала шепотом молиться. Старец увидел, как она поднялась в воздухе на локоть от земли. От этого чудного видения Зосима повергся ниц, усердно молясь и не смея произнести ничего, кроме “Господи, помилуй!”

Ему пришел в душу помысл – не привидение ли это вводит его в соблазн? Преподобная подвижница, обернувшись, подняла его с земли и сказала: “Что тебя, авва Зосима, так смущают помыслы? Не привидение я. Я – женщина грешная и недостойная, хотя и ограждена святым Крещением”.

Сказав это, она осенила себя крестным знаменем. Видя и слыша это, старец пал со слезами к ногам подвижницы: “Умоляю тебя Христом, Богом нашим, не таи от меня своей подвижнической жизни, но расскажи ее всю, чтобы сделать явным для всех величие Божие. Ибо верую Господу Богу моему, Им же и ты живешь, что для того и был я послан в эту пустыню, чтобы все

твои постнические деяния сделал Бог явными для мира”.

И святая подвижница сказала: “Смущаюсь, отче, рассказывать тебе о бесстыдных моих делах. Ибо должен будешь тогда бежать от меня, закрыв глаза и уши, как бегут от ядовитой змеи. Но всё же скажу тебе, отче, не умолчав ни о чем из моих грехов, ты же, заклинаю тебя, не преставай молиться за меня, грешную, да обрящу дерзновение в День Суда.

Родилась я в Египте и еще при жизни родителей, двенадцати лет отроду, покинула их и ушла в Александрию. Там лишилась я своего целомудрия и предалась безудержному и ненасытному любодеянию. Более семнадцати лет невозбранно предавалась я греху и совершала все безвозмездно. Я не брала денег не потому, что была богата. Я жила в нищете и зарабатывала пряжей. Думала я, что весь смысл жизни состоит в утолении плотской похоти.

Проводя такую жизнь, я однажды увидела множество народа, из Ливии и Египта шедшего к морю, чтобы плыть в Иерусалим на праздник Воздвижения Святого Креста. Захотелось и мне плыть с ними. Но не ради Иерусалима и не ради праздника, а – прости, отче, – чтобы было больше с кем предаваться разврату. Так села я на корабль.

Теперь, отче, поверь мне, я сама удивляюсь, как море стерпело мое распутство и любодеяние, как земля не разверзла своих уст и не свела меня заживо в ад, прельстившую и погубившую столько душ... Но, видно, Бог желал моего покаяния, не хотя смерти грешника и с долготерпением ожидая обращения.

Так прибыла я в Иерусалим и во все дни до праздника, как и на корабле, занималась скверными делами.

Когда наступил святой праздник Воздвижения Честнаго Креста Господня, я по-прежнему ходила, уловляя души юных в грех. Увидев, что все очень рано пошли в церковь, в которой находилось Животворящее Древо, я пошла вместе со всеми и вошла в церковный притвор. Когда настал час Святого Воздвижения, я

хотела войти со всем народом в церковь. С большим трудом пробравшись к дверям, я, окаянная, пыталась втиснуться внутрь. Но едва я ступила на порог, как меня остановила некая Божия сила, не давая войти, и отбросила далеко от дверей, между тем как все люди шли беспрепятственно. Я думала, что, может быть, по женскому слабосилию не могла протиснуться в толпе, и опять попыталась локтями расталкивать народ и пробираться к двери. Сколько я ни трудилась – войти не смогла. Как только моя нога касалась церковного порога, я останавливалась. Всех принимала церковь, никому не возбраняла войти, а меня, окаянную, не пускала. Так было три или четыре раза. Силы мои иссякли. Я отошла и встала в углу церковной паперти.

Тут я почувствовала, что это грехи мои возбраняют мне видеть Животворящее Древо, сердца моего коснулась благодать Господня, я зарыдала и стала в покаянии бить себя в грудь. Вознося Господу воздыхания из глубины сердца, я увидела пред собой икону Пресвятой Богородицы и обратилась к ней с молитвой: “О Дево, Владычице, родившая плотию Бога – Слово! Знаю, что недостойна я смотреть на Твою икону. Праведно мне, блуднице ненавидимой, быть отвергнутой от Твоей чистоты и быть для Тебя мерзостью, но знаю и то, что для того Бог и стал человеком, чтобы призвать грешных на покаяние. Помоги мне, Пречистая, да будет мне позволено войти в церковь. Не возбрани мне видеть Древо, на котором плотию был распят Господь, проливший Свою неповинную Кровь и за меня, грешную, за избавление мое от греха. Повели, Владычице, да отверзнутся и мне двери святого поклонения Крестного. Ты мне будь доблестной Поручительницей к Родившемуся от Тебя. Обещаю Тебе с этого времени уже не осквернять себя более никакою плотскою скверной, но как только увижу Древо Креста Сына Твоего, отрекись от мира и тотчас уйду туда, куда Ты как Поручительница наставишь меня”.

И когда я так помолилась, почувствовала вдруг, что молитва моя услышана. В умилении веры, надеясь на Милосердную Богородицу, я опять присоединилась к входящим в храм, и никто не оттеснил меня и не возбранил мне войти. Я шла в страхе и трепете, пока

не дошла до двери и сподобилась видеть Животворящий Крест Господень.

Так познала я тайны Божий и, что Бог готов принять кающихся. Пала я на землю, помолилась, облобызала святыни и вышла из храма, спеша вновь предстать пред моей Поручительницей, где дано было мной обещание. Преклонив колени пред иконой, так молилась я пред ней:

“О Благолюбивая Владычице наша, Богородице! Ты не возгнушалась молитвы моей недостойной. Слава Богу, приемлющему Тобой покаяние грешных. Настало мне время исполнить обещание, в котором Ты была Поручительницей. Ныне, Владычице, направь меня на путь покаяния”.

И вот, не кончив еще своей молитвы, слышу голос, как бы говорящий издалека: “Если перейдешь за Иордан, то обретешь блаженный покой”.

Я тотчас уверовала, что этот голос был ради меня, и, плача, воскликнула к Богородице: “Госпоже Владычице, не оставь меня, грешницы скверной, но помоги мне”, – и тотчас вышла из церковного притвора и пошла прочь. Один человек дал мне три медные монеты. На них я купила себе три хлеба и у продавца узнала путь на Иордан.

На закате я дошла до церкви святого Иоанна Крестителя близ Иордана. Поклонившись прежде всего в церкви, я тотчас спустилась к Иордану и омыла его святою водой лицо и руки. Затем я причастилась в храме святого Иоанна Предтечи Пречистых и Животворящих Тайн Христовых, съела половину от одного из своих хлебов, запила его святой Иорданской водой и проспала ту ночь на земле у храма. Наутро же, найдя невдалеке небольшой челн, я переправилась в нем через реку на другой берег и опять горячо молилась Наставнице моей, чтобы Она направила меня, как Ей Самой будет угодно. Сразу же после того я и пришла в эту пустыню”.

Авва Зосима спросил у преподобной: “Сколько же лет, мать моя,

прошло с того времени, как ты поселилась в этой пустыне?” – “Думаю, – отвечала она, – 47 лет прошло, как вышла я из Святого Града”.

Авва Зосима вновь спросил: “Что имеешь или что находишь ты себе в пищу здесь, мать моя?” И она отвечала: “Было со мной два с половиной хлеба, когда я перешла Иордан, потихоньку они иссохли и окаменели, и, вкушая понемногу, многие годы я питалась от них”.

Опять спросил авва Зосима: “Неужели без болезней пребыла ты столько лет? И никаких искушений не принимала от внезапных прилогов и соблазнов?” – “Верь мне, авва Зосима, – отвечала преподобная, – 17 лет провела я в этой пустыне, словно с лютыми зверями борясь со своими помыслами... Когда я начинала вкушать пищу, тотчас приходил помысл о мясе и рыбе, к которым я привыкла в Египте. Хотелось мне и вина, потому что я много пила его, когда была в миру. Здесь же, не имея часто простой воды и пищи, я люто страдала от жажды и голода. Терпела я и более сильные бедствия: мной овладевало желание любодейных песен, они будто слышались мне, смущая сердце и слух. Плача и бия себя в грудь, я вспоминала тогда обеты, которые давала, идя в пустыню, пред иконой Святой Богородицы, Поручницы моей, и плакала, моля отогнать терзавшие душу помыслы. Когда в меру молитвы и плача совершалось покаяние, я видела отовсюду мне сиявший Свет, и тогда вместо бури меня обступала великая тишина.

Блудные же помыслы, прости, авва, как исповедаю тебе? Страстный огонь разгорался внутри моего сердца и всю опалял меня, возбуждая похоть. Я же при появлении окаянных помыслов повергалась на землю и словно видела, что предо мной стоит Сама Пресвятая Поручительница и судит меня, преступившую данное обещание. Так не вставала я, лежа ниц день и ночь на земле, пока вновь не совершалось покаяние и меня не окружал тот же блаженный Свет, отгонявший злые смущения и помышления.

Так жила я в этой пустыне первые семнадцать лет. Тьма за

тьмой, беда за напастью обстояли меня, грешную. Но с того времени и доныне Богородица, Помощница моя, во всем руководствует мною”.

Авва Зосима опять спрашивал: “Неужели тебе не потребовалось здесь ни пищи, ни одеяния?”

Она же отвечала: “Хлебы мои кончились, как я сказала, в эти семнадцать лет. После того я стала питаться кореньями и тем, что могла обрести в пустыне. Платье, которое было на мне, когда перешла Иордан, давно разодралось и истлело, и мне много потом пришлось терпеть и бедствовать и от зноя, когда меня палила жара, и от зимы, когда я тряслась от холода. Сколько раз я падала на землю, как мертвая. Сколько раз в безмерном борении пребывала с различными напастями, бедами и искушениями. Но с того времени и до нынешнего дня сила Божия неведомо и многообразно соблюдала мою грешную душу и смиренное тело. Питалась и покрывалась я глаголом Божиим, всё содержащим (Втор. 8, 3), ибо не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе Божиим (Мф. 4, 4; Лк. 4, 4), и не имеющие покрова камением облекутся (Иов. 24, 8), если совлекутся греховного одеяния (Кол. 3, 9). Как вспоминала, от сколького зла и каких грехов избавил меня Господь, в том находила я пищу неистощимую”.

Когда авва Зосима услышал, что и от Священного Писания говорит на память святая подвижница – от книг Моисея и Иова и от псалмов Давидовых, – тогда спросил преподобную: “Где, мать моя, научилась ты псалмам и иным Книгам?”

Она улыбнулась, выслушав этот вопрос, и отвечала так: “Поверь мне, человек Божий, ни единого не видела человека, кроме тебя, с тех пор, как перешла Иордан. Книгам и раньше никогда не училась, ни пения церковного не слышала, ни Божественного чтения. Разве что Само Слово Божие, живое и всетворческое, учит человека всякому разуму (Кол. 3, 16; 2 Пет. 1, 21; 1 Фес. 2, 13). Впрочем, довольно, уже всю жизнь мою я исповедала тебе, но с чего начинала, тем и кончаю: заклинаю тебя

воплощением Бога-Слова – молись, святой авва, за меня, великую грешницу.

И еще заклинаю тебя Спасителем, Господом нашим Иисусом Христом – все то, что слышал ты от меня, не сказывай ни единому до тех пор, пока Бог не возьмет меня от земли. И исполни то, о чем я сейчас скажу тебе. Будущим годом, в Великий пост, не ходи за Иордан, как ваш иноческий обычай повелевает”.

Опять удивился авва Зосима, что и чин их монастырский известен святой подвижнице, хотя он пред нею не обмолвился о том ни одним словом.

“Пребуди же, авва, – продолжала преподобная, – в монастыре. Впрочем, если и захочешь выйти из монастыря, ты не сможешь... А когда наступит святой Великий четверг Тайной Вечери Господней, вложи в святой сосуд Животворящего Тела и Крови Христа, Бога нашего, и принеси мне. Жди же меня на той стороне Иордана, у края пустыни, чтобы мне, придя, причаститься Святых Таин. А авве Иоанну, игумену вашей обители, так скажи: внимай себе и стаду своему (Деян. 20, 23; 1 Тим. 4, 16). Впрочем, не хочу, чтобы ты теперь сказал ему это, но когда укажет Господь”.

Сказав так и испросив еще раз молитв, преподобная повернулась и ушла в глубину пустыни.

Весь год старец Зосима пребыл в молчании, никому не смея открыть явленное ему Господом, и прилежно молился, чтобы Господь сподобил его еще раз увидеть святую подвижницу.

Когда же вновь наступила первая седмица святого Великого поста, преподобный Зосима из-за болезни должен был остаться в монастыре. Тогда он вспомнил пророческие слова преподобной о том, что не сможет выйти из монастыря. По прошествии нескольких дней преподобный Зосима исцелился от недуга, но все же остался до Страстной седмицы в монастыре.

Приблизился день воспоминания Тайной вечери. Тогда авва Зосима исполнил поведенное ему – поздним вечером вышел из монастыря к

Иордану и сел на берегу в ожидании. Святая медлила, и авва Зосима молил Бога, чтобы Он не лишил его встречи с подвижницей.

Наконец преподобная пришла и стала по ту сторону реки. Радуюсь, преподобный Зосима поднялся и славил Бога. Ему пришла мысль: как она сможет без лодки перебраться через Иордан? Но преподобная, крестным знаменем перекрестив Иордан, быстро пошла по воде. Когда же старец хотел поклониться ей, она запретила ему, крикнув с середины реки: “Что творишь, авва? Ведь ты – иерей, носитель великих Тайн Божиих”.

Перейдя реку, преподобная сказала авве Зосиме: “Благослови, отче”. Он же отвечал ей с трепетом, ужаснувшись о дивном видении: “Воистину неложен Бог, обещавший уподобить Себе всех очищающихся, насколько это возможно смертным. Слава Тебе, Христе Боже наш, показавшему мне через святую рабу Свою, как далеко отстою от меры совершенства”.

После этого преподобная просила его прочитав “Верую” и “Отче наш”. По окончании молитвы она, причастившись Святых Страшных Христовых Таин, простерла руки к небу и со слезами и трепетом произнесла молитву святого Симеона Богоприимца: “Ныне отпускаеши рабу Твою, Владыко, по глаголу Твоему с миром, яко видеста очи мои спасение Твое”.

Затем вновь преподобная обратилась к старцу и сказала: “Прости, авва, еще исполни и другое мое желание. Иди теперь в свой монастырь, а на следующий год приходи к тому иссохшему потоку, где мы первый раз говорили с тобой”. “Если бы возможно мне было, – отвечал авва Зосима, – непрестанно за тобой ходить, чтобы лицезреть твою святость!” Преподобная снова просила старца: “Молись, Господа ради, молись за меня и вспоминай мое окаянство”. И, крестным знаменем осенив Иордан, она, как прежде, прошла по водам и скрылась во тьме пустыни. А старец Зосима возвратился в монастырь в духовном ликовании и трепете и в одном укорял себя, что не спросил имени преподобной. Но он надеялся на следующий год узнать наконец и

ее имя.

Прошел год, и авва Зосима снова отправился в пустыню. Молясь, он дошел до иссохшего потока, на восточной стороне которого увидел святую подвижницу. Она лежала мертвая, со сложенными, как подобает, на груди руками, лицом обращенная к Востоку. Авва Зосима омыл слезами ее стопы, не дерзая касаться тела, долго плакал над усопшей подвижницей и стал петь псалмы, подобающие скорби о кончине праведных, и читать погребальные молитвы. Но он сомневался, угодно ли будет преподобной, если он погребет ее. Только он это помыслил, как увидел, что у главы ее начертано: “Погреби, авва Зосима, на этом месте тело смиренной Марии. Воздай персть персти. Моли Господа за меня, преставльшуюся месяца апреля в первый день, в самую ночь спасительных страданий Христовых, по причащении Божественной Тайной Вечери”.

Прочитав эту надпись, авва Зосима удивился сначала, кто мог сделать ее, ибо сама подвижница не знала грамоты. Но он был рад наконец узнать ее имя. Понял авва Зосима, что преподобная Мария, причастившись Святых Тайн на Иордане из его рук, во мгновение прошла свой дальний пустынный путь, которым он, Зосима, шествовал двадцать дней, и тотчас отошла ко Господу.

Прославив Бога и омочив слезами землю и тело преподобной Марии, авва Зосима сказал себе: “Пора уже тебе, старец Зосима, совершить поведенное тебе. Но как сумеешь ты, окаянный, ископать могилу, ничего не имея в руках?” Сказав это, он увидел невдалеке в пустыне лежавшее поверженное дерево, взял его и начал копать. Но слишком суха была земля, сколько ни копал он, обливаясь потом, ничего не мог сделать. Распрямившись, авва Зосима увидел у тела преподобной Марии огромного льва, который лизал ее стопы. Старца объял страх, но он осенил себя крестным знаменем, веруя, что останется невредим молитвами святой подвижницы. Тогда лев начал ласкаться к старцу, и авва Зосима, возгораясь духом, приказал льву ископать могилу, чтобы предать земле тело святой Марии. По его слову лев лапами ископал ров, в котором и было

погребено тело преподобной. Исполнив завещанное, каждый пошел своей дорогой: лев – в пустыню, а авва Зосима – в монастырь, благословляя и хваля Христа, Бога нашего.

Придя в обитель, авва Зосима поведал монахам и игумену, что видел и слышал от преподобной Марии. Все дивились, слушая о величии Божиим, и со страхом, верой и любовью установили творить память преподобной Марии и почитать день ее преставления. Авва Иоанн, игумен обители, по слову преподобной, с Божией помощью исправил в обители то, что надлежало. Авва Зосима, пожив еще Богоугодно в том же монастыре и немного не дожив до ста лет, окончил здесь свою временную жизнь, перейдя в жизнь вечную.

Так передали нам дивную повесть о житии преподобной Марии Египетской древние подвижники славной обители святого всехвального Предтечи Господня Иоанна, расположенной на Иордане. Повесть эта первоначально не была ими записана, но передавалась благоговейно святыми старцами от наставников к ученикам.

Я же, – говорит святитель Софроний, архиепископ Иерусалимский (память 11 марта), первый описатель Жития, – что принял в свой черед от святых отцов, все предал письменной повести.

Бог, творящий великие чудеса и великими дарованиями воздающий всем, с верою к Нему обращающимся, да вознаградит и читающих, и слушающих, и передавших нам эту повесть и сподобит нас благой части с блаженной Марией Египетской и со всеми святыми, Богомыслием и трудами своими угодившими Богу от века. Дадим же и мы славу Богу Царю вечному, да и нас сподобит милость обрести в День Судный о Христе Иисусе, Господе нашем, Ему же подобает всякая слава, честь, и держава, и поклонение со Отцем, и Пресвятым и Животворящим Духом, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Источник: <http://www.pravoslavie.ru/>